УДК 343.13:004.9

Временное судебное распоряжение о контроле цифровых финансовых активов и цифровых валют: к вопросу о включении в главу 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Виктор Сергеевич Мельник[1,2]
[1]Санкт-Петербургская академии Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия, melnik210580@yandex.ru
[2]Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Северо-Кавказскому федеральному округу, Ессентуки, Россия

Аннотация. Статья обосновывает включение в гл. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации самостоятельной обеспечительной меры – «временного судебного распоряжения о контроле цифровых финансовых активов и цифровых валют». Раскрыты предмет и адресаты меры, основания и процессуальная форма: судебное постановление с индивидуализацией идентификатора цифрового финансового актива либо адреса криптокошелька, запрет распоряжения, информационный арест средств доступа, перевод на специализированный адрес хранения, режим неотложности с последующей проверкой. Проведено сопоставление с арестом имущества (ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) и иными мерами принуждения; показано, что предлагаемый инструмент не дублирует их, ориентирован на децентрализованную инфраструктуру и обеспечивает сохранность, наблюдаемость и последующую конфискацию при соблюдении принципа соразмерности и судебного контроля. Сформулированы критерии допустимости, гарантии прав третьих лиц, круг обязанностей операторов информационных систем. Предложена редакционная модель нормы гл. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, интегрируемая без изменения его системной логики, а также алгоритм правоприменения, унифицирующий обращение с цифровыми активами в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры процессуального принуждения, временное судебное распоряжение, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, арест имущества, судебный контроль, электронные доказательства, блокчейн, конфискация

Для цитирования: Мельник В.С. Временное судебное распоряжение о контроле цифровых финансовых активов и цифровых валют: к вопросу о включении в главу 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Правда и закон. 2025. № 4(34). С. 110–118.

Temporary Court Order for the Control of Digital Financial Assets and Digital Currencies: On Inclusion in Chapter 14 of the Russian Code of Criminal Procedure

Viktor S. Melnik[1,2]
[1]SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia, melnik210580@yandex.ru
[2]Head Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the North Caucasus Federal District, Yessentuki, Russia

Abstract. The article substantiates the inclusion in Chapter 14 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of an independent protective measure – the «temporary court order for the control of digital financial assets and digital currencies». The paper sets out the subject matter and addressees of the measure, its grounds and procedural form: a judicial ruling specifying the identifier of a digital financial asset or a cryptocurrency wallet address; a prohibition on disposal; an informational seizure

© Мельник В.С., 2025

of access means; transfer to a specialized storage address; an emergency regime with subsequent review. A comparison is drawn with seizure of property (Article 115 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) and other coercive measures; it is shown that the proposed instrument does not duplicate them, is tailored to decentralized infrastructure, and ensures preservation, observability, and subsequent confiscation while respecting proportionality and judicial oversight. Criteria of admissibility, safeguards for third-party rights, and the range of duties of information-system operators are formulated. A revised model wording for a provision of Chapter 14 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation has been proposed, capable of being integrated without altering the systemic logic of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as an enforcement algorithm that standardizes the handling of digital assets in criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, coercive procedural measures, temporary court order, digital financial assets, digital currency, seizure of property, judicial oversight, electronic evidence, blockchain, confiscation

For citation: Melnik V.S. Temporary Court Order for the Control of Digital Financial Assets and Digital Currencies: On Inclusion in Chapter 14 of the Russian Code of Criminal Procedure // Truth and law. 2025. № 4(34). P. 110–118.

Развитие цифровой экономики привело к появлению новых объектов, активно вовлекаемых в уголовно-правовые отношения. В частности, цифровые финансовые активы и цифровая валюта (криптовалюта) все чаще фигурируют в делах о хищениях, легализации преступных доходов, киберпреступности[1]. Несмотря на это, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации долгое время не содержало прямого упоминания данных категорий. Отсутствие легального понятия цифровой валюты и специальных процессуальных норм осложняло расследование преступлений, связанных с такими объектами, и затрудняло обеспечение по ним имущественных требований. Судебная практика вынужденно шла по пути признания цифровой валюты особым видом имущества – так, Верховный Суд Российской Федерации в разъяснениях отнес криптовалюту к объектам, приобретаемым преступным путем, допустив ее признание предметом отмывания доходов[2]. Отдельные суды начали квалифицировать цифровую валюту даже как предметы взятки и хищения, фактически приравнивая их к имуществу либо денежным средствам в уголовно-правовом смысле [1]. Однако отсутствие специальных норм в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации[3] (УПК РФ) до недавнего времени ставило под вопрос правовые основания изъятия и контроля над цифровыми активами в ходе расследования.

В действующей редакции УПК РФ исчерпывающий перечень мер процессуального принуждения (гл. 14) не содержит отдельных мер, направленных на обращение с цифровыми финансовыми активами и цифровыми валютами. Традиционные обеспечительные меры уголовного судопроизводства, например наложение ареста на имущество, теоретически могут быть распространены на цифровые валюту или финансовый актив при условии признания их имуществом [2]. Фактически законодателем уже предпринимаются шаги в этом направлении: подготовлен проект о признании цифровой валюты имуществом для целей Уголовного кодекса Российской Федерации и УПК РФ, а УПК РФ планируется дополнить нормой, регламентирующей действия следователя при обнаружении

[1] Верховный Суд Российской Федерации. Криптовалюта стала чаще фигурировать в уголовных делах: объект посягательств и средство легализации // Пресс-центр Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/34394/ (дата обращения: 12.10.2025).

[2] Пленум Верховного суда Российской Федерации обновил подход к отмыванию денег // Право.ru. 2019. URL: https://pravo.ru/story/209441/ (дата обращения: 12.10.2025).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 28 февр. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

подлежащей изъятию цифровой валюты[4]. В пояснительной записке к этому проекту прямо отмечается, что цифровая валюта признается имуществом и объектом конфискации, а для недопущения ее сокрытия следователю (дознавателю) предлагается предоставить полномочия по изъятию такой валюты. Тем самым законодательно признается необходимость особого порядка обращения с цифровой валютой в уголовном процессе.

Предложен самостоятельный вид обеспечительной меры – временное судебное распоряжение о контроле цифрового финансового актива или цифровой валюты, обеспечивающей государственный контроль над цифровыми финансовыми активами и валютой в ходе расследования преступлений. Данная мера призвана восполнить пробел в гл. 14 УПК РФ, обеспечив легальные основания для быстрых и эффективных действий с цифровыми финансовыми активами и валютами, сравнимых с арестом традиционного имущества, но учитывающих специфику цифровых объектов.

Временное судебное распоряжение о контроле цифрового актива по своей правовой природе относится к мерам уголовно-процессуального принуждения, имеющим обеспечительный характер. Целью таких мер, согласно ст. 111 УПК РФ, является обеспечение установленного порядка уголовного судопроизводства и надлежащее исполнение приговора. Предлагаемое распоряжение должно соответствовать общей цели обеспечительных мер: гарантировать сохранность цифровых финансовых активов и валют, связанных с уголовным делом, и возможность реализации приговора в части имущественных взысканий или конфискации. Иными словами, речь идет об удержании под контролем государства определенных ценностей (цифровых прав или валюты) до разрешения уголовного дела по существу.

Важной особенностью цифровых финансовых активов и валют является их нематериальный характер и технология хранения [3]. Цифровые финансовые активы представляют собой права требования или иные имущественные права, учет которых осуществляется в информационной системе оператора, зарегистрированного в реестре Банка России. Они существуют только в цифровой форме и, как правило, привязаны к конкретному оператору или платформе. Цифровая валюта, напротив, децентрализована, не имеет единого эмитента и не признается законным платежным средством на территории Российской Федерации, за исключением использования в расчетах по внешнеторговым договорам в рамках экспериментального правового режима, установленного Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[5]. Оборот цифровой валюты ограничен законодательно (ею нельзя рассчитываться внутри страны), однако владение ею не запрещено. Обе категории – и цифровые финансовые активы, и цифровая валюта – могут обладать значительной ценностью и выступать объектами гражданских прав (хотя цифровая валюта официально не считается законным средством платежа, она фактически обращается как имущество) [4].

Исходя из этого, временное судебное распоряжение о контроле цифровых активов должно учитывать двойственную правовую природу этих объектов. С одной стороны, приравнивание их к имуществу позволяет применить ряд норм, разработанных для материальных объектов. С другой – необходим специальный процессуальный режим, учитывающий специфику хранения и перемещения цифровых финансовых активов и валют. В отличие от обычных вещей, цифровой финансовый актив и цифровая валюта не могут быть описаны и опечатаны традиционным способом, для установления над ним контроля требуются цифровые действия (например, перевод на специальный счет или блокировка в информационной системе) [5].

---

[4] Планируется усовершенствовать меры по изъятию цифровой валюты: проект признает цифровую валюту имуществом для целей УК РФ и УПК РФ // Горячие документы. 2025. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/90567.html/ (дата обращения: 12.10.2025).

[5] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 8 авг. 2024 г. № 223-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Предлагаемая мера получила название временного судебного распоряжения не случайно. Термин «распоряжение» подчеркивает властно-предписывающий характер акта суда, адресованного конкретным субъектам в целях установления контроля над цифровым финансовым активом либо цифровой валютой. Фактически такое распоряжение представляет собой судебное решение (определение суда), которым временно ограничиваются права владельца цифрового финансового актива и (или) цифровой валюты на распоряжение. По сути, это аналог ареста имущества, но специализированный для цифровой среды. Однако в отличие от классического ареста по ст. 115 УПК РФ, налагаемого в целях обеспечения гражданского иска, штрафа либо возможной конфискации, временное распоряжение может иметь более широкий спектр оснований. Оно способно служить не только обеспечению имущественных взысканий, но и сохранению вещественных доказательств, пресечению дальнейших преступных транзакций, недопущению сокрытия или вывода активов за пределы юрисдикции. Таким образом, данная мера сочетает в себе черты обеспечительной (охрана имущественных интересов правосудия) и предупредительной мер (пресечение противоправных действий с активом).

Следует подчеркнуть, что речь идет о судебной мере принуждения. Инициировать ее применение может дознаватель или следователь, с согласия прокурора и руководителя следственного органа соответственно, однако устанавливается она исключительно на основании судебного решения, что важно с точки зрения гарантий законности: ограничение права собственности (пусть и специфического, на цифровой финансовый актив либо цифровую валюту) допустимо лишь по мотивированному судебному акту. Временный характер распоряжения означает, что оно действует до прекращения необходимости в контроле – обычно до вынесения приговора или иного разрешения дела, после чего судьба цифрового финансового актива либо цифровой валюты решается по существу (возврат законному владельцу, обращение в доход государства, конфискация либо иное).

Необходимость введения самостоятельной меры процессуального принуждения для цифровых финансовых активов и цифровых валют обусловлена рядом практических и правовых причин. Во-первых, стремительность и необратимость операций с цифровой валютой создают угрозу ее утраты для правосудия. Перевод цифровой валюты может быть осуществлен мгновенно, а доступ к ней можно защитить с помощью шифрования. Если следственные органы не располагают эффективным механизмом немедленного реагирования, подозреваемый (обвиняемый) способен скрыть цифровые ценности, переведя их на анонимные счета или зарубежные платформы [6]. Имеющиеся сегодня средства в рамках УПК РФ (например, временное изъятие носителей информации при обыске либо обращение к нормам о наложении ареста на имущество) не всегда позволяют оперативно блокировать онлайн-транзакции. Отсюда вытекает потребность в специальном судебном распоряжении, которое могло бы выноситься превентивно – по ходатайству следователя – с целью немедленного установления контроля над цифровым финансовым активом либо цифровой валютой.

Во-вторых, легальный статус цифровых валют до последнего времени оставался неопределенным, что создавало пробелы в правоприменении. Как отмечалось, законопроект 2025 г. предлагает признать цифровую валюту имуществом для целей уголовного закона, тем самым устраняя правовой вакуум. Но до принятия соответствующих поправок приходилось действовать на основании аналогий, ведомственных разъяснений и методических рекомендаций. Даже признав цифровую валюту разновидностью имущества, сталкиваемся с вопросом: каким способом надлежит ее обеспечить и сохранить в рамках уголовного дела? Простое распространение режима ареста имущества не учитывает технических особенностей. Требуется детально регламентировать методику принудительного исполнения в отношении цифровых финансовых активов и цифровых валют, что и делает предлагаемое распоряжение о контроле. Создание такого механизма требует точечного изменения законодательства и выстраивания новой методики исполнения. В частности, в пояснениях к законодательным инициативам подчеркнуто, что

следователь должен получить полномочия по изъятию цифровой валюты для недопущения ее сокрытия. Следовательно, научное обоснование новой меры подкрепляется и практическим запросом, сформулированным самим законодателем.

В-третьих, объем и значение цифровых активов в современном обороте таковы, что их игнорирование может подорвать эффективность уголовного судопроизводства[6]. Цифровые валюты нередко используются при расчетах в преступной деятельности (например, в торговле наркотиками в теневых интернет-маркетплейсах, получении выкупа при кибервымогательствах, финансировании терроризма и экстремизма)[7]. Они могут выступать как предмет преступления, средство его совершения либо форма сокрытия преступных доходов. Без возможности легально замораживать и отслеживать такие цифровые финансовые активы и валюту органы расследования утрачивают контроль над важной частью доказательственной и имущественной базы дела [7].

Наконец, аргумент в пользу новой меры дает сравнительный анализ с другими отраслями права. В гражданском и арбитражном процессе существуют институты обеспечения иска, позволяющие по решению суда временно блокировать счета, активы, в том числе цифровые, чтобы гарантировать исполнение судебного решения в будущем [8]. Наличие схожего инструмента в уголовном процессе представляется логичным и обоснованным, учитывая, что уголовные дела часто сопровождаются гражданскими исками и конфискацией имущества. Пробел в УПК РФ ставит кредиторов и потерпевших в худшее положение, чем в гражданско-правовом споре, что неправомерно. Таким образом, временное распоряжение о контроле цифровых активов отвечает назревшей необходимости гармонизировать законодательство, создав адекватный современным вызовам механизм процессуального принуждения.

Включение новой меры в гл. 14 УПК РФ требует сопоставить ее с уже предусмотренными иными мерами процессуального принуждения (ст. 111 УПК РФ). К их числу относятся: обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, а также денежное взыскание (для участников процесса, нарушающих процессуальные обязанности). Из этого перечня наиболее близкой по назначению является наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ). Арест имущества служит для обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий или конфискации и состоит в запрещении распоряжаться имуществом, а при необходимости – в изъятии его и передаче на хранение. Казалось бы, цифровые финансовые активы и цифровые валюты могли бы подпасть под эту меру, трактуемую расширительно. Однако практическое применение ареста к цифровым финансовым активам и цифровым валютам сталкивается с трудностями.

Главное отличие – способ исполнения. При аресте традиционного имущества суд указывает конкретные ограничения по владению, пользованию и распоряжению, которые доводятся до собственника, а при необходимости имущество изымается физически. В случае с цифровой валютой физическое изъятие выражается в конфискации носителей (аппаратных кошельков, бумажных носителей с ключами) или принудительном переводе средств на контролируемый счет [9]. Такие действия требуют технического участия специалиста и применения особых процедур. Законодатель уже указал два возможных способа обеспечения сохранности цифровой валюты: 1) изъятие материального носителя, содержащего цифровую валюту или ключи доступа; 2) перевод цифровой валюты на специально созданный адрес-

[6] Власти признали существование криптовалют и ускорят их регулирование // Ведомости. 2025. 10 окт. URL: https://www.vedomosti.ru/investments/articles/2025/10/10/1145790-vlasti-priznali-suschestvovanie-kriptovalyut-i-uskoryat-ih-regulirovanie/ (дата обращения: 12.10.2025); Топ-менеджер Сбербанка рассказал об объемах криптонакоплений у россиян // Bits.media. 2025. 9 окт. URL: https://bits.media/top-menedzher-sberbanka-rasskazal-ob-obemakh-kriptonakopleniy-u-rossiyan/ (дата обращения: 12.10.2025).

[7] FATF. Virtual Assets – Red Flag Indicators of Money Laundering and Terrorist Financing // Официальный сайт FATF. URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/reports/Virtual-Assets-Red-Flag-Indicators.pdf.coredownload.pdf/ (дата обращения: 12.10.2025).

идентификатор (цифровой кошелек), гарантирующий сохранность[8]. Оба способа могут комбинироваться и должны выполняться с участием компетентного специалиста, разбирающегося в технологии блокчейн. По сути, эти технические шаги и составляют содержание предлагаемого судебного распоряжения о контроле: суд, удовлетворяя ходатайство следователя, предписывает конкретный способ установления контроля над цифровым финансовым активом либо валютой (например, обязать подозреваемого сообщить ключи доступа и передать цифровую валюту на указанный счет; либо наложить запрет оператору цифрового финансового актива совершать операции с указанным цифровым правом).

Следующий аспект – субъектный состав и адресаты меры. Арест имущества применяется к имуществу подозреваемого, обвиняемого либо иного лица, несущего материальную ответственность за его действия, а также к имуществу третьих лиц, если есть основания полагать, что оно добыто преступным путем или служило орудием преступления. Временное судебное распоряжение о контроле цифрового финансового актива либо цифровой валюты по своему адресату будет в основном сходным – охватывать активы, связанные с обвиняемым (подозреваемым) или преступлением. Однако специфика в том, что распоряжение практически всегда повлечет обязанность определенных третьих лиц содействовать его исполнению. Так, операторы информационных систем цифровых финансовых активов, на счетах которых числятся токены, будут обязаны по судебному распоряжению заблокировать операции с ними и предоставить доступ к информации о нем. Аналогично, если цифровая валюта хранится на счету биржи или обменника, судебное решение адресуется такому хранителю, запрещая любые транзакции без согласия следствия. Таким образом, новая мера, сохраняя черты ареста (замораживание актива), в большей степени зависит от сотрудничества с посторонними субъектами, владеющими инфраструктурой хранения, что сближает ее также с мерами обеспечения доказательств (например, выемкой электронных данных) и требует четкого процедурного регламента.

Отличие от иных мер, таких как временное отстранение от должности или привод, заключается в объекте воздействия. Распоряжение о контроле цифровых финансовых активов и валют не направлено непосредственно на личность фигуранта (не ограничивает его свободу или статус), а ориентировано на его имущественную сферу. В этом плане оно близко именно к имущественным ограничениям (аресту, денежному взысканию). Однако денежное взыскание (штраф за процессуальное нарушение, ст. 117 УПК РФ) – это санкция за несоблюдение обязанностей, а не обеспечительная мера. Временное же распоряжение о контроле актива не носит карательного характера; его назначение – сугубо обеспечительное и превентивное. По своим последствиям для фигуранта оно, правда, может ощущаться как весьма существенное ограничение прав, особенно если значительная часть капитала заморожена, что подчеркивает важность судебного характера меры и процессуальных гарантий (рассмотрение ходатайства судом с приведением конкретных фактов, обосновывающих необходимость контроля, как того требует ст. 165 УПК РФ при ограничении конституционных прав).

Следует также упомянуть, что новое распоряжение будет взаимодействовать с институтом вещественных доказательств. Цифровые финансовые активы либо цифровые валюты, фигурирующие в деле, могут быть признаны вещественными доказательствами, если они служат средствами совершения преступления или добыты преступным путем [10]. Установление судебного контроля над ними обеспечит сохранность таких доказательств. В этом смысле предлагаемая мера выполняет сходную функцию с изъятием вещественных доказательств (изъятием предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела при производстве следственных действий), но на более длительный период и с большим формализмом (через судебное решение). Например, при изъятии цифровой валюты она должна быть помещена на специальный счет, а соответствующая информация приобщена

[8] Следователи смогут изымать цифровую валюту в качестве вещественного доказательства // Государственная Дума Российской Федерации. URL: https://duma.gov.ru/news/61593/ (дата обращения: 12.10.2025).

к материалам дела как доказательство. Таким образом, временное судебное распоряжение о контроле дополняет существующий механизм работы с вещественными доказательствами цифровой природы, устраняя риск утраты или несанкционированного изменения данных.

Обобщая сопоставление, можно заключить: предлагаемая мера по духу и цели наиболее близка к аресту имущества, но является более узкоспециализированной и технически сложной. Она не дублирует полностью ни одну из существующих норм, а потому обоснованно выделяется в самостоятельный институт. При этом ее включение в гл. 14 УПК РФ концептуально укладывается в систему иных мер процессуального принуждения, поскольку направлено на обеспечение порядка и эффективного правосудия, не являясь мерой пресечения (не связана с изоляцией лица). Такая системная локализация позволит четко отграничить новый институт от смежных и обеспечить его надлежащее правоприменение.

Уголовно-процессуальная доктрина исходит из принципа, что перечень мер процессуального принуждения должен быть исчерпывающим и закрепленным законом. Включение временного судебного распоряжения о контроле цифровых финансовых активов и цифровых валют непосредственно в гл. 14 УПК РФ отвечает этому требованию правовой определенности. Если ограничение прав не будет ясно предусмотрено нормой УПК РФ, его применение окажется проблематичным с точки зрения законности. Поэтому законодательное закрепление новой меры – единственно верный путь для ее внедрения в практику. Глава 14 УПК РФ структурно уже содержит сходные по природе меры, и логичным представляется дополнить ст. 111 УПК РФ соответствующим пунктом, а далее изложить процедуру применения меры в отдельной статье (по аналогии со ст. 115, 115.1, 116 УПК РФ, регламентирующими арест имущества и особенности его продления и обращения взыскания).

При разработке конкретной нормы следует учесть ряд принципиальных моментов. Основания применения распоряжения о контроле цифрового финансового актива и цифровой валюты должны быть сформулированы точно. Вероятно, имеет смысл указать, что мера применяется при наличии достаточных данных полагать, что соответствующий цифровой финансовый актив или цифровая валюта: а) получены в результате преступления либо использовались или предназначены для использования при его совершении; б) могут быть конфискованы либо на них может быть обращено взыскание по приговору суда; в) необходимы для возмещения ущерба потерпевшему. Основания по сути объединят мотивы обеспечения конфискации, гражданского иска и сохранения доказательств.

Процессуальный порядок применения меры должен включать судебное заседание по ходатайству следователя (дознавателя) с участием прокурора. Как и при других мерах, суд должен вынести мотивированное постановление (определение), указав конкретный цифровой финансовый актив либо цифровую валюту, подлежащую контролю, и сущность ограничения (запрет расходовать, осуществлять сделки, обязательство передать на хранение ключи и т.д.). Важным элементом станет описание способа исполнения: суд в резолютивной части может поручить конкретному органу (например, подразделению по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий или специалисту) осуществить перевод цифровой валюты на охраняемый счет, а оператору платформы – обеспечить блокировку. Возможно, понадобится прямая норма, обязывающая третьих лиц исполнить судебное распоряжение (аналогичная, к примеру, обязанности банков выполнять постановления о наложении ареста на счет). Невыполнение такого распоряжения должно влечь ответственность, в том числе уголовную по ст. 315 Уголовного кодекса Российской Федерации[9] (неисполнение судебного решения).

Включение новой статьи может сопровождаться внесением изменений и в другие нормы. Так, следует скорректировать ст. 164 (о производстве выемки) или ст. 183 (о контроле и снятии информации с электронных носителей) УПК РФ, если они

[9] Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: Ст. 315. Уголовного кодекса Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 17 нояб. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

затрагивают получение данных о цифровых финансовых активах или цифровых валютах, чтобы не было коллизий.

Предлагаемое решение соответствует общим тенденциям совершенствования законодательства. Законодатель уже признал целесообразным официально включить цифровую валюту в правовые рамки Уголовного кодекса Российской Федерации и УПК РФ. Сделав следующий шаг и внедрив специальное судебное распоряжение, можно обеспечить целостность механизма.

Таким образом, временное судебное распоряжение о контроле цифровых финансовых активов и цифровых валют органично вписывается в систему уголовно-процессуальных мер принуждения Российской Федерации. Его нормативное закрепление в гл. 14 УПК РФ устранит существующие пробелы, обеспечит надлежащую реакцию правосудия на вызовы цифровой эпохи [11] и укрепит гарантии справедливого судебного разбирательства. Дальнейшая проработка данного института, несомненно, потребует совместных усилий законодателя и научного сообщества, однако базовые доктринальные предпосылки и практические потребности уже сегодня очевидны и признаны. Новый институт призван служить целям уголовного процесса, сочетая строгость законности с актуальными техническими решениями для контроля над цифровыми ценностями во имя торжества правосудия.

Список источников

1. Усачёва Е.А., Филимонов А.Д. Криптовалюта как предмет взятки и коммерческого подкупа: проблемы регулирования // Искусство правоведения. 2023. № 1(5). С. 80–90.

2. Кайгородова О.С. Решение вопроса о возможности наложения ареста на цифровые финансовые активы, цифровую валюту // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1. С. 43–52. DOI: 10.17150/2411-6122.2022.1.43-52.

3. Луданина А.В. Наложение ареста на криптовалютные активы в уголовном процессе Российской Федерации: возможные пути развития // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 6. С. 95–104. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.151.6.095-104.

4. Захаркина А.В., Кузнецова О.А. Цифровые финансовые активы и цифровая валюта как новые инструменты эффективной реализации виртуальных хозяйственных связей субъектов МСП // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 6. С. 148–153.

5. Осипов Г.П. Изъятие и арест криптовалюты: роль и участие специалиста // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 3 (107). С. 93–100.

6. Гультяев Д.О., Литвинов А.С. Поймай меня, если сможешь. О вопросах ареста криптовалюты в уголовном процессе // Закон и право. 2019. № 3. С. 154–157. DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10136.

7. Михайленко Н.В., Рудин А.В. Арест криптовалют и цифровых финансовых активов: вызовы правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 109–114. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-5-109-114.

8. Чурилов А.Ю., Герцен П.О. Проблемы совершения отдельных процессуальных действий в отношении криптовалюты в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 54. С. 179–194. DOI: 10.17223/22253513/54/11.

9. Рощупкина А.В. Проблемы изъятия, ареста и замораживания виртуальных активов в России и за рубежом // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2025. Т. 35. № 1. С. 140–145. DOI: 10.35634/2412-9593-2025-35-1-140-145.

10. Долгиева М.М. Противодействие криптопреступности уголовно-правовыми средствами // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 171–177. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.171-177.

11. Глазовский В.В. Социальная инженерия в цифровую эпоху: анализ личности преступника и классификация программных инструментов // Правда и закон. 2025. № 3(33). С. 106–114.

References

1. Usachyova E.A., Filimonov A.D. Kriptovalyuta kak predmet vzyatki i kommercheskogo podkupa: problemy regulirovaniya // Iskusstvo pravovedeniya. 2023. № 1(5). S. 80–90.

2. Kaygorodova O.S. Reshenie voprosa o vozmozhnosti nalozheniya aresta na tsifrovye finansovye aktivy, tsifrovuyu valyutu // Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2022. № 1. S. 43–52.

3. Ludanina A.V. Nalozhenie aresta na kriptovalyutnye aktivy v ugolovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii: vozmozhnye puti razvitiya // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2023. T. 18. № 6. S. 95–104.

4. Zakharkina A.V., Kuznetsova O.A. Tsifrovye finansovye aktivy i tsifrovaya valyuta kak novye instrumenty effektivnoi realizatsii virtual'nykh khozyaistvennykh svyazei sub"ektov MSP // Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki. 2020. T. 16. № 6. S. 148–153.

5. Osipov G.P. Izyatie i arest kriptovalyuty: rol' i uchastie spetsialista // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii. 2025. № 3(107). S. 93–100.

6. Gultyaev D.O., Litvinov A.S. Poimai menya, esli smozhesh'. O voprosakh aresta kriptovalyuty v ugolovnom protsesse // Zakon i pravo. 2019. № 3. S. 154–157.

7. Mikhaylenko N.V., Rudin A.V. Arest kriptovalyut i tsifrovykh finansovykh aktivov: vyzovy pravovogo regulirovaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 5. S. 109–114.

8. Churilov A.Yu., Gertsen P.O. Problemy sovershenia otdel'nykh protsessual'nykh deistvii v otnoshenii kriptovalyuty v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2024. № 54. S. 179–194.

9. Roshchupkina A.V. Problemy izyatiya, aresta i zamorazhivaniya virtual'nykh aktivov v Rossii i za rubezhom // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». 2025. T. 35. № 1. S. 140–145.

10. Dolgieva M.M. Protivodeistvie kriptoprestupnosti ugolovno-pravovymi sredstvami // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2023. T. 18. № 2. S. 171–177.

11. Glazovskiy V.V. Sotsial'naya inzheneriya v tsifrovuyu epokhu: analiz lichnosti prestupnika i klassifikatsiya programmnykh instrumentov // Pravda i zakon. 2025. № 3(33). S. 106–114.

Статья поступила в редакцию 18.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.
The article was submitted 18.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Информация об авторе
В.С. Мельник – аспирант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96); старший следователь по особо важным делам Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Северо-Кавказскому федеральному округу, (Россия, 357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, пер. Садовый, 19).
Information about the author
V.S. Melnik – student of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96); Senior Investigator for Particularly Important Cases of the Main Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for the North Caucasus Federal District, Colonel of Justice (Russia, 357600, Stavropol Territory, Yessentuki, Sadovyi Lane, 19).